

КАЗАЧЬЯ СКАЗКА КАК ОСНОВА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО И ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ

Зайцев Г.С.

Тюменский государственный университет

В последние десятилетия произошли глобальные изменения в российском обществе. Идёт усиленное переформатирование общественного сознания россиян, нашего духовно-нравственного прошлого. Необходимо противостоять этому переосмыслению вековой парадигмы взаимоотношений через изучение, сохранение и трансляцию будущим поколениям векового опыта, который заложен в наших обычаях и традициях. Активные процессы возрождения, становления российского казачества сделали проблемы его происхождения, истории, культуры одними из самых животрепещущих в отечественной науке. Традиционная казачья культура самобытна, уникальна и неповторима. Она своими корнями уходит в древние мифологизированные представления об окружающем мире. В казачьем фольклоре особое место занимает сказка, как элемент духовно-нравственного, исторического и патриотического воспитания детей. В сказке изображаются вымышленные события и лица, но многие герои точно передают типологические черты казачьего характера. Сказка тесно связана с фольклорно-мифологическими корнями этнического самосознания. Казачья сказка, как и другие сказки, это своеобразная генная память народа. У казаков имелось множество различных по содержанию сказок: Это сказки-апокрифы, предания на основе библейских сказаний: «Благоразумный сотник» [1, с.159-162], «Войны Христа» [1, с.148-149], «Грех» [1, с.163-166], «Святой Николай и Касьян Немилостивый» [1, с.155-158], и др. В этих сказках героями выступают как казаки, казачата, так и Христос, и Богородица, и Святые земли Русской.

Имелись у казаков сказки исторические, вернее, об исторических героях и личностях: про Платова, Бакланова, Некрасова, Екатерину II... [1].

Казачьи сказки-шутки [1, с.5], которые, скорее всего, восходят к восточно-арабской традиции, к хаккайяту [1, с.5].

В фольклористике сложилась классификация сказок по сюжетам и по жанровому признаку. Однако казачьи сказки не имеют разграничения по жанровому соотношению. Традиционно в сюжетной

канве переплетаются черты каждого из перечисленных жанров.

Свои сказки казаки называют «бывальщинами» и начинают обычно со слов «В одной станице жил казак по имени.....;» или «Эта служба, скажу вам, братцы, самая, что ни на есть тяжелая. ...» [1,с.33]. Начало повествования сказки чаще всего обозначает определенные обстоятельства, ведущие к дальнейшему смысловому развитию действия. Например, «Шли два штрафных казака по этапу в Сибирь. ...» [1, с.163], что уже предполагает дальнейший рассказ о несчастливой жизни этих героев. Казачьи сказки не имеют рифмованной концовки. Например, «Стали жить-поживать, да добра наживать». [2]. В них концовка скорее напоминает оконченное повествование. Например, «...и на том берегу на Аляске поставили крепость и церкву свою отеческую и назвали ее крепостью Святого Николая.»[1, с.158]. С большой симпатией в казачьих сказках изображается бывалый солдат-казак, который владеет всеми человеческими добродетелями и является защитником слабых и обиженных. Его образ даётся очень живописно: «Вот она и высмотрела себе казака из конвойной команды. Самого статного, красивого и пригожего!» [1, с.107]. Наиболее полную географию казачьих сказок собрал, обработал и пересказал Б. Алмазов, потомственный казак, писатель и первый атаман Невской станицы (Санкт Петербург). Конечно же, он не мог собрать всех сказок казачьих войск России. Но то, что он смог донести до читателя, поражает своей самобытной глубиной и Российской географической шириной! Вот что пишет автор в предисловии: «Вот мне и захотелось объединить сказки разных казаков в одной книге потому, что это сказки одного народа. Они замечательны своей самобытностью: вот вроде бы сказка русская, похожа на русскую сказку, а мораль совершенно другая, или образы совсем по-иному трактуются»[1,с.5] То, что Б.Алмазов собрал и издал, позволяет провести научное исследование казачьей сказки, как одного из элементов духовно-нравственного и патриотического воспитания детей. Ценности патриотизма, нравственности, духовности вплетены в содержательную канву сказочного сюжета и его мировоззрения. Необходимо всегда помнить, что ценности патриотизма двуедины, т.е. они одновременно и субъективны и объективны. Они конкретно-историчны и детерминированы определённой исторической эпохой и национальным менталитетом той или иной страны. Эти ценности - базовые, общечеловеческие. Они формируют личность.

Но это формирование происходит только тогда, когда в обществе, социальной группе, семье, государстве существует нечто священное. Казачья душа иррациональна. Источник патриотизма, духовно-нравственных ценностей лежит в глубинных, генных пластах народной памяти, в традициях, обычаях, сказаниях, сказках. Казачьи сказки являются, в большинстве случаев, реалистичными и историчными. И представляют особую систему сохранения и трансляции исторической памяти будущим поколениям, систему духовно-нравственного и патриотического воспитания.

Литература

1. Алмазов Б. Казачьи сказки. Издательский дом «Пенаты» Санкт-Петербург, 1996. С 272.
2. Бахвалова В.А. Традиционна культура донского казачества (по материалам фольклора): автореф. дис. соиск. кан.ист. наук/ В.А. Бахвалова; Волгоградский медицинский университет. - Волгоград, 2009. С 26.
3. Даньшов С.Н. Духовно-нравственное воспитание учащихся на основе приобщения к традициям казачества южного Урала: автореф. дис. соиск. кан. пед. наук/ С.Н. Даньшов; Оренбургский государственный университет. Оренбург, 2006. С 23.

СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС КАК АСПЕКТ В ИСТОРИОСОФСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ И.С. АКСАКОВА

диакон Артемий Зеленин

Санкт-Петербургская духовная академия

Славянский вопрос был неотъемлемой частью учения славянофилов. Если старшие славянофилы Иван Васильевич Киреевский (1806-1856), Алексей Степанович Хомяков (1804-1860), Юрий Фёдорович Самарин (1819-1876) и его старший брат Константин Сергеевич Аксаков (1817-1860) были чисто теоретиками, разработавшими основные положения об особой роли России и славянства в мировой истории, то И.С. Аксаков - талантливый русским публицист, поэт и общественный деятель XIX столетия, который являлся их младшим соратником и неразрывно связан с ними, был не только теоретиком, и практическим общественным деятелем, способствовавшим в меру своих сил политической реализации своего историософского идеала.